

Рыжкова Е. В., Кокконен Е.И.

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ «ЕСО-ANXIETY» В БРИТАНСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ THE GUARDIAN)

Аннотация. В статье представлены результаты анализа дискурсивной объективации лингвокультурного концепта «eco-anxiety». Анализ проведен на материале публикаций в the Guardian за 2015 – 2023 годы. В рамках тематического дискурса экотревожности рассматриваются акциональные субдискурсы: информирующий, регулятивный, субъектно-экспрессивный и прогностический. На основании языковых средств и речевых стратегий, представленных в указанных субдискурсах, конструируются понятийный, ассоциативный, образный и ценностный компоненты концепта «eco-anxiety». Выявлена его сопряженность с аффектами горя, гнева, одиночества, вины и беспомощности. В структуре концепта обнаружены компоненты «источник тревоги» и «объект обвинения». Также рассмотрена апокалиптическая модальность дискурса экотревожности. Участники дискурса в речевых действиях конструируют культурную травму и принимают на себя ответственность за существующие проблемы и их решение, либо отрицают их. Результаты дискурсивного и контент-анализа показали, что значительная внедренность экотревожности в британскую лингвокультуру не только определяет эмоциональный фон субъектов, но и регулирует и прогнозирует их поступки.

Ключевые слова: экотревожность, лингвокультурный концепт, акциональный дискурс, медиадискурс, британские СМИ.

Для цитирования: Рыжкова Е. В., Кокконен Е. И. Языковая репрезентация «eco-anxiety» в британском медиадискурсе (на примере The Guardian) // Ученые записки НовГУ. 2024. 1(52). 174-182. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).174-182

После трех волн пандемии люди оказались в пост-ковидной реальности, которая столкнула их с массовым проявлением нового феномена – экотревожности. В условиях самоизоляции, оторванности от общественной и культурной жизни, в фокусе СМИ оказалась не только болезнь – Covid-19, но и климатические проблемы. В период с 2019 по 2023 гг. освещались природные катастрофы и волны жары, которые приписывались глобальному потеплению; общественный резонанс вызвала Конференция ООН по вопросам изменения климата – COP26. Пессимистическая медиаповестка, проблемы внутри «пузырей поддержки» [Рыжкова, Кокконен, 2021], заставили людей задуматься о том, что человек является не только объектом воздействия окружающей среды, но и угрозой для ее существования. Уровень тревожности населения повысился, и экотревожность проявилась как сопутствующий фактор.

«Eco-anxiety» как явление впервые оказалось в фокусе внимания психологов в 2010 году, когда был опубликован доклад о психосоциальном воздействии климатических изменений на восприятие, поведение и копинг-стратегии людей, обращавшихся за помощью к специалистам [Dodds, 2021]. Психологические исследования относят экотревожность к группе экоэмоций, отмечая, что она отличается практической направленностью, поскольку испытывается индивидом, когда он задумывается о реакции на экологические угрозы и природные катаклизмы [Kurth, Pihkala, 2022].

В британских СМИ эта тема стала появляться с 2015 года [The Guardian site search, 2024] отражая как бытовую, так и профессиональную точку зрения на данное явление. В словари «eco-anxiety» вошло в 2019-2021 гг.: 1) a state of distress caused by concern

about damage to the environment [Collins English dictionary, 2019]; 2) a feeling of worry about threats to the environment, such as pollution and climate change [Oxford University Press, 2021]. Приведенные определения отражают как идею вовлеченности, озабоченности ситуацией, так и эмоциональные переживания.

Цель настоящей статьи – попытка лингвистического моделирования концепта экотревожности через анализ его дискурсивной объективации в пространстве британского медиадискурса.

Материалом исследования послужили статьи, опубликованные в The Guardian с 2015 по 2023 год. В общей сложности было рассмотрено 53 публикации. Методами исследования были выбраны дискурсивный и контент-анализ.

Анализ текстов СМИ позволяет констатировать представленность в британском медиадискурсе *тематического* [Карасик, 2016] – «дискурса экотревожности», в котором «eco-anxiety» составляет центральный топик общения.

В дискурс экотревожности оказывается вовлеченным значительный круг лиц разного возраста и социального статуса: журналисты; непосредственные жертвы тревожности; психотерапевты и психологи; дети и их родители; представители различных профессиональных сообществ: учителя начальной школы, писатели и книгоиздатели, театральные режиссеры и зрители, экологи, зоологи и т.п.; политики и чиновники; экоактивисты, а так же их оппоненты – «climate deniers», представленные весьма эмоционально как «the shill», «the grifter», «the egomaniac», «the ideological fool» (Прим.1). Список может быть продолжен. Дискурс каждой заинтересованной группы представляет отдельную *субъектную* разновидность дискурса экотревожности, отражающую индивидуально-личностные и/или статусные характеристики коммуникантов.

Представляется, что в таком большом разнообразии субъектных дискурсов можно выделить ряд *акциональных* субдискурсов по совершаемому в них речевому действию. В рамках дискурса экотревожности обнаруживаются *информирующий, регулятивный, субъективно-экспрессивный и прогностический* субдискурсы со своими целями и речевыми стратегиями.

В каждом из указанных типов на первый план выходят разные аспекты лингвокультурного концепта экотревожности, его понятийный, ассоциативный, образный или ценностный компоненты (см. обзор структуры лингвокультурного концепта И. В. Кононовой [Кононова, 2014]).

Информирующий дискурс экотревожности имеет целью информирование читателя о существовании рассматриваемого явления, толкование его сути через сопоставление со смежными понятиями. Субъектами дискурса становятся, прежде всего, журналисты, люди с экотревожностью, а также психологи, психотерапевты и смежные специалисты.

В этом субдискурсе ярче всего представлены понятийный и ассоциативный компоненты концепта экотревожности. Стремясь донести суть описываемого переживания, субъекты дискурса дают ему следующие определения:

Eco-anxiety – the chronic fear of environmental catastrophe; fear of environmental doom; varied emotional and cognitive reactions to a rapidly changing environment; fears about the climate breakdown; distress over the climate emergency; despairing over the

state of the planet; a sense of gloom and almost paralysing helplessness; a deep sense of dread and vertiginous anxiety.

Синонимическими выражениями – ассоциациями также являются: growing awareness, apprehension, concern, climate / environment-related anxiety / stress / grief / despair, «eco-distress», «climate trauma», climate change anxiety / alarmism, «green angst». В приводимых определениях и терминах сохранены исходные кавычки, которые подчеркивают их новизну для читателя. Можно отметить, что ключевыми аффектами экотревожности оказываются «страх», «горе», «страдание», «озабоченность» и «стресс».

Обращает на себя внимание использование прилагательного «existential» в сочетаниях с лексемами stress, terror of annihilation, challenge of our generation, consequences, crises, dread and doom, question; profound, deep, что указывает на то, что переживаемая тревога касается всех аспектов человеческого существования. Экотревожность из аффекта возводится до уровня «existential imperative» (настоятельная необходимость), которая должна стать руководством к действию по спасению человечества.

Приведенные выше номинации и дефиниции представляют «бытовое» определение экотревожности. В то время как неспециалисты определяют экотревожность через переживаемые аффекты, психотерапевты относят его к проявлениям рациональности, исключая компонент «эмоция» из рассматриваемого понятия. В дискурсе психологов переживание не патологизируется, напротив, всячески подчеркивается нормальность данного состояния как рациональной реакции («the most rational response») на выход из зоны экологического комфорта. Они определяют его как чаще как «concern» или «care» – озабоченность, заинтересованность, заботу. Тревожность сопоставляется с рациональной или психологической дилеммой: «a psychological dilemma with existential consequences».

Психотерапевты предпочитают рассматривать экотревожность через понятие «коллективной травмы»: «climate trauma has been lurking within western society's collective psyche for the last 40 years ..., it changes everything about what we do and how we do it» (Прим 2). То, что психологи [Harvey, Manley, & Hickman, 2020] называют коллективной травмой, по сути является культурной травмой [Alexander, Eyerman, Giesen, Smelser, & Sztompka, 2004] – переживаниями, вызванными ужасающими событиями или явлениями, которые объединяют людей в социальную группу (сообщество), формируют их коллективную идентичность, обуславливая их реакцию на внешние угрозы и мотивируя к активным действиям и взаимодействию с окружающей средой.

Источники тревожности в информирующем дискурсе варьируются от обобщенных номинаций экологических проблем, таких как: ecological breakdown, environmental catastrophe, environmental degradation, до более специфических – связанных, в первую очередь, с климатом: climate disasters, climate crisis, climate emergency, traumatic climate events, climate distress, melting planet. По данным рассмотренных публикаций, любые изменения в привычном образе окружающей среды – рост городов («urban dystopia»), подъем уровня воды или засуха, исчезновение видов, дым от лесных пожаров, таяние ледников Исландии и т.п.

воспринимаются как катастрофические, создающие «новую реальность», «новую нормальность» (а «new normal»), грозящие шестым массовым вымиранием видов.

В понятийный компонент рассматриваемого концепта включен компонент «объект обвинения» – лица, ответственные за сложившуюся ситуацию. При их выделении говорящий чаще дистанцирует себя, представляя виновных как «они» или «другие» – правительство, политики, корпорации и т.п.: «One part of the discussion ... especially among young people, is the concern that others aren't worrying enough» (Прим.3); «I blame the Conservative government, climate change, neoliberal capitalism and extractivism ... but they are very hard targets» (Прим. 4). Основными обвиняемыми в бездействии становятся представители власти, противопоставленные населению: «government inaction on the climate crisis is pretty extreme, so it's hardly surprising that people are very worried» (Прим. 5). Либо говорящий причисляется к виновным через местоимение «мы»: «It's the world we have created that is causing these issues» (Прим. 6). Через конструирование культурной травмы сознательно устанавливается источник проблем, а группа признает себя ответственной за них.

Под *регулятивным* мы понимаем дискурс воздействия на субъекта переживания, направленный на облегчение тревоги, снятие напряжения через предложение вариантов активного выхода из негативной эмоциональной ситуации. Сuggestивность данного дискурса роднит его с терапевтическим, как он представлен в работе М. С. Гриневой и Л. Г. Васильева [Гринева, Васильев, 2018].

Субъектами дискурса выступают, в первую очередь, практикующие психологи, психотерапевты и психоаналитики. К ним также относятся журналисты, дающие советы читателям, как справиться со стрессом, эко-активисты, обращающиеся к обществу со страниц СМИ и т.п. В сфере профессиональной помощи переживающим экостресс появляются новые узкие специальности, такие как «климатический терапевт» (climate-informed therapist), «эко-капеллан» (eco-chaplain) и даже «эко-доула» (eco-doula), чьи обязанности заключаются буквально в «пастырстве» (shepherding) – сопровождении клиентов в преодолении страха вымирания через климатоинформированную терапию – climate-informed / climate-conscious therapy.

Регулятивная функция данного дискурса реализуется в повелительных предложениях, призывах к действию, что отражается как в заголовках статей – «We don't have to be overwhelmed by climate anxiety. Feel the pain, then act» (Прим.7), так и в их содержательной части: «to reframe your eco-anxiety into action, use facts as a foothold up to personal action» (Прим. 8). Акцент смещается на совместное действие: «working together is the empowering antidote. It's a lesson we need to be reminded of again and again» (Прим. 7), «Nobody else is going to stand up for us unless we do» (Прим. 9).

Субъективно-экспрессивный дискурс представлен дискурсами людей, испытывающих экотревожность. Его цель – саморефлексия субъектов аффекта. В данном дискурсе, помимо дополнения и расширения понятийного компонента концепта, ярко проявляются его образная и ценностная составляющие. Анализ наименований переживаемого чувства его субъектами показывает, что они группируются вокруг следующих аффектов: гнев – rage, enraging and curiously stultifying, disgruntled; горе – sorrow, anguish, pain, sad; одиночество – a sense of isolation, abandonment, betrayal, alone; страх – fear, worry, hijacked by anxiety, sense of panic,

overwhelming and terrifying, alarmed, distraught; вина – guilt, shame; беспомощность – sense of powerlessness, frustration, helplessness, apathetic; безысходность – despair, put out and inconvenienced, increasingly broken. Интенсивность переживания варьируется от «troubling emotions» до «terrified for my future».

Среди аффектов, в которых проявляется экотревожность, присутствует острое переживание утраты, коренящееся либо в реальном прошлом, либо в гипотетическом будущем. Люди переживают утрату надежд, безопасности, описывая переживание как «the loss of a hopeful future», «hard ... to imagine a secure future», «mourning their own identity».

Эмоциональным переживаниям сопутствуют физиологические проявления экостресса; люди описывают состояние бессонницы, плаксивости, неприятных физических ощущений: «My stomach dropped. My heart was pounding. My chest felt tight»; «My chest hurt, I felt like I couldn't sit still, and I started pacing around. I couldn't do any work» (Прим. 10); «I felt my heart cleave into two pieces» (Прим. 11).

Ряд высказываний содержит образную составляющую, в них переживаемое чувство уподобляется явлениям природы: «his fear was a dense fog», «the emotional tsunami sweeping over the field»; физическому ощущению пустоты: «It's like a pit in your stomach – you feel weirdly empty»; потере равновесия: «the feeling of having 'the rug pulled from under my feet'; that I was enjoying a life that was ruining the world» (Прим. 5), воплощается в виде животного: «Around the same time, he began hallucinating that he was being stalked by a chimerical, constantly changing wolf» (Прим. 4).

В рамках данного дискурса обнаруживается, помимо понятийного и ассоциативного, ценностный компонент концепта экотревожности. Опасаясь стигматизации, люди склонны скрывать свое состояние, боятся совершить «social faux pas» – социальную оплошность, показаться излишне пессимистичными. Это подтверждается статистикой: по данным статьи «Climate anxious? Here's how you can turn apprehension into action» (Прим. 9), 66% американцев редко или никогда не обсуждают проблемы глобального потепления с близкими. От тревожности стремятся избавиться или подавить ее, она рассматривается как неуместное переживание: «I was very dismissive and grumpy about having it. I wanted to suppress it or get rid of it – I thought it was an indulgence because people are dying, so why was I fussing around with feelings?» (Прим. 5).

В то же время, другие субъекты не считают свое переживание чем-то постыдным или необычным: «It isn't bad, wrong, or inconvenient for me to have climate anxiety – it ultimately means that I care» (Прим. 5).

Прогностический дискурс проявляется в мрачных прогнозах будущего для человечества и планеты в целом. Это дискурс-предсказание, в котором, по определению В.И. Карасика, должна содержаться новая информация – релевантная и правдоподобная, касающаяся значительного события, а говорящий должен быть абсолютно уверен в том, что прогноз сбудется [Карасик, 2017]. Яркая апокалиптическая окрашенность прогнозов позволяет определить их целью, с одной стороны, запугивание и манипулирование, с другой – оправдание собственных поступков.

Прогнозируются два варианта развития событий: а) мрачное будущее, представляемое как «apocalyptic, climate-changed world», «the dire predictions for the natural world», «the climate is going to get worse» и т.п.; б) полное отсутствие будущего,

что выражается в высказываниях вроде: «We won't die of old age, we'll die from climate change» (Прим. 11); «she doesn't see the point when the world is going to end anyway» (Прим. 6); «Knapp's view of the world and of his future collapsed» (Прим. 5); «our world is doomed». Особенно яркий пример апокалиптического прогностического дискурса представлен в статье «Climate 'apocalypse' fears stopping people having children» (Прим. 12): к 2050 мир превратится в «a hot-house hell» (парниковый ад) с бесконечными войнами за ограниченные ресурсы, рушащимися цивилизациями, тающими ледниками, голодом, наводнениями и масштабными разрушениями.

Испытывающие экотревожность субъекты не просто говорят о грядущем апокалипсисе, но и действуют в соответствии со своими взглядами. Все больше молодых людей отказываются заводить детей, объясняя свое решение тем, что детям придется выживать в «apocalyptic conditions». В 2019 году десятки женщин Великобритании объявили о «birth strike» – отказе от родов, пока не разрешится климатический кризис.

Результаты анализа британских медиатекстов показывают, что на сегодняшний день экотревожность вышла за рамки сферы психологии и здравоохранения, став частью англоязычной культуры, современным трендом. В медиадискурсе репрезентируется новый лингвокультурный концепт «eco-anxiety», который в своей понятийной составляющей частично пересекается с «anxiety» [Лагоденко, 2009], но не является чисто эмоциональным концептом. Он сопряжен с аффектами горя, гнева, утраты, одиночества, вины и беспомощности, но в то же время имеет компонент рациональности и осознанного действия; ассоциирован с апокалиптическими взглядами; включает указания на источники тревоги и объекта обвинения. Культурную значимость экотревожности доказывает наличие 33 млн. ответов в поисковой системе Google на запрос «eco-anxiety» по сравнению с 1 млн. ответов на «экотревожность».

Вопросы утилизации одноразового пластика, очевидные изменения климата (жара, ураганы, наводнения), сортировка отходов актуальны для ¾ населения мира, и беспокойство ими уже не может считаться частным случаем проявления тревожности. Наряду с рекомендациями обратиться к психологам или психоаналитикам, предлагаются мобильные приложения, онлайн проекты, позволяющие контролировать свой углеродный след; климатические кафе с возможностью онлайн дискуссий с экспертами; блоги и платформы для онлайн сторителлинга, где можно поделиться своим опытом, переживаниями, ознакомиться с рекомендациями специалистов, а также получить рекламу услуг экоориентированного бизнеса.

Примечания

1. Carrington D. (2020, July 30). The four types of climate denier, and why you should ignore them all. The Guardian. [Электронный ресурс]
URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/jul/30/climate-denier-shill-global-debate>
2. Ambrose J. (2020, October 08). "Hijacked by anxiety": how climate dread is hindering climate action. The Guardian. [Электронный ресурс]
URL: <https://www.theguardian.com/environment/2020/oct/08/anxiety-climate-crisis-trauma>
3. Mertens M. (2023, July 22). Why aren't we more scared of the climate crisis? It's complicated. The Guardian. [Электронный ресурс]
URL: <https://www.theguardian.com/environment/2023/jul/22/climate-crisis-fear-psychology>

4. Barkham P. (2023, September 23). 'The climate is visiting a mental unravelling on all of us': Charlie Hertzog Young on the dangers of activism – and staying sane on a dying planet. The Guardian. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/environment/2023/sep/23/the-climate-is-visiting-a-mental-unravelling-on-all-of-us>
5. Sarner M. (2022, April 12). 'I was enjoying a life that was ruining the world': can therapy treat climate anxiety? The Guardian. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/environment/2022/apr/12/climate-anxiety-therapy>
6. Skopeliti C., Gecsoyler S. (2023, March 30). 'Terrified for my future': climate crisis takes heavy toll on young people's mental health. The Guardian. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/environment/2023/mar/30/terrified-for-my-future>
7. Orbach S. (2023, June 25). We don't have to be overwhelmed by climate anxiety. Feel the pain, then act. The Guardian. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/jun/25/we-dont-have-to-be-overwhelmed-by-climate-anxiety-feel-the-pain-then-act>
8. Anxiety to action: Understanding the climate crisis - and what we can do about it (2020, September 22). The Guardian. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/guardian-masterclasses/2020/sep/22/anxiety-to-action-understanding-the-climate-crisis-and-what-we-can-do-about-it>
9. Matei A. (2023, November 16). Climate anxious? Here's how you can turn apprehension into action. The Guardian. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/wellness/2023/nov/16/climate-anxiety-tips>
10. Demopoulos A. (2023, June 06). New York therapists see surge in eco-anxiety as smoke fills skies: 'Every client addresses it'. The Guardian. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2023/jun/09/climate-crisis-psychology>
11. Taylor M., Murray J. (2020, February 10). Overwhelming and terrifying': the rise of climate anxiety. The Guardian. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/environment/2020/feb/10/overwhelming-and-terrifying-impact-of-climate-crisis-on-mental-health>
12. Carrington D. (2020, November 27). Climate 'apocalypse' fears stopping people having children – study. The Guardian. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/environment/2020/nov/27/climate-apocalypse-fears-stopping-people-having-children-study>

Литература

- Гринева М. С., Васильев Л. Г. (2018). Терапевтический дискурс: определение и конститутивные признаки. *Экология языка и коммуникативная практика*, 4, 22-33. DOI: 10.17516/2311-3499-035
- Карасик В. И. (2016). Дискурсивное проявление личности. *Russian Journal of Linguistics*, 20(4), 56-77. DOI: 10.22363/2687-0088-15148
- Карасик В. И. (2017). Предсказание как коммуникативный поступок. *Коммуникативные исследования*, 3(13), 30-46. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.3.30-46
- Кононова И. В. (2014). Структура лингвокультурного концепта: способы языковой и дискурсивной объективации. *Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание*, 5, 32-42. DOI: 10.15688/jvolsu2.2014.5.4
- Лагоденко А. М. (2009). Вербальные средства выражения эмоционального концепта "тревога" в современном английском языке. *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*, 1, 278-288.
- Рыжкова Е. В., Кокконен Е. И. (2021). Support bubble: новый концепт в британской лингвокультуре. *Ученые записки НовГУ*, 4(37), 443-447. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.4(37).443-447
- Alexander J., Eyerman R., Giesen B., Smelser N., Sztompka P. (2004). *Cultural Trauma and Collective Identity*, Berkeley: University of California Press. DOI: 10.1525/9780520936768
- Collins English dictionary (2019). Eco-anxiety. *Collins English dictionary*. [Электронный ресурс] URL: <https://www.collinsdictionary.com/submission/21638/eco-anxiety> (дата обращения 10.01.2024)

- Dodds J. (2021). The psychology of climate anxiety. *BJ Psych Bulletin*, 45(4), 222-226. DOI: 10.1192/bjb.2021.18
- Harvey A., Manley J. Y., Hickman C. (2020). Ecology, Psychoanalysis and Global Warming: Present and Future Traumas [Editorial]. *Journal of Social Work Practice*, 34(4), 337-348. DOI: 10.1080/02650533.2020.1843418
- Kurth C., Pihkala P. (2022). Eco-anxiety: What it is and why it matters. *Frontiers in Psychology. Sec. Theoretical and Philosophical Psychology*, 13, 1-12. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.981814
- Oxford University Press (2021). Eco-anxiety. *Oxford Learner's Dictionaries*. [Электронный ресурс] URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/wordlist/new_words (дата обращения 10.01.2024)
- The Guardian site search. [Электронный ресурс] URL: <https://www.google.co.uk/search?q=eco+anxiety&sitesearch=www.theguardian.com> (дата обращения 17.01.2024).

References

- Alexander J., Eyerman R., Giesen B., Smelser N., and Sztompka P. (2004). *Cultural Trauma and Collective Identity*, Berkeley: University of California Press. DOI: 10.1525/9780520936768
- Collins English dictionary (2019). Eco-anxiety. In *Collins English dictionary*. Available at: <https://www.collinsdictionary.com/submission/21638/eco-anxiety> (accessed 10.01.2024)
- Dodds J. (2021). The psychology of climate anxiety. *BJ Psych Bulletin*, 45(4), 222-226. DOI: 10.1192/bjb.2021.18
- Grineva M. S., Vasil'ev L. G. (2018). Terapevticheskiy diskurs: opredelenie i konstitutivnye priznaki [Therapeutic discourse: definition and constituent features]. *Ecology of language and communicative practice*, 4, 22-33. DOI: 10.17516/2311-3499-035
- Harvey A., Manley J. Y. & Hickman C. (2020). Ecology, Psychoanalysis and Global Warming: Present and Future Traumas [Editorial]. *Journal of Social Work Practice*, 34(4), 337-348. DOI: 10.1080/02650533.2020.1843418
- Karasik V. I. (2016). Diskursivnoe proyavlenie lichnosti [Discourse Manifestation of Personality]. *Russian Journal of Linguistics*, 20(4), 56-77. DOI: 10.22363/2687-0088-15148
- Karasik V. I. (2017). Predskazanie kak kommunikativnyy postupok [Prediction as a communicative action]. *Communication Studies*, 3(13), 30-46. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.3.30-46.
- Kononova I. V. (2014). Struktura lingvokul'turnogo kontsepta: sposoby yazykovoy i diskursivnoy ob'ektivatsii [The structure of a cultural concept: means of language and discourse representation]. *Science Journal of VolSU. Linguistics*, 5, 32-42. DOI: 10.15688/jvolsu2.2014.5.4
- Kurth C., Pihkala P. (2022). Eco-anxiety: What it is and why it matters. *Frontiers in Psychology. Sec. Theoretical and Philosophical Psychology*, 13, 1-12. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.981814
- Lagodenko A. M. (2009). Verbal'nye sredstva vyrazheniya ehmtsional'nogo kontsepta "trevoga" v sovremennom angliyskom yazyke [Verbal means of the emotional concept "anxiety" expression in modern English]. *The Herald of South-Ural state Humanities-Pedagogical University*, 1, 278-288.
- Ryzhkova E. V., Kokkonen E. I. (2021). Support bubble: novyi kontsept v britanskoy lingvokul'ture [Support bubble: a new concept in British linguoculture]. *Memoirs of NovSU*, 4(37), 443-447. DOI: 10.34680/2411-7951
- Oxford University Press (2021). Eco-anxiety. In *Oxford Learner's Dictionaries*. Available at: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/wordlist/new_words (accessed 10.01.2024)
- The Guardian site search. Available at: <https://www.google.co.uk/search?q=eco+anxiety&sitesearch=www.theguardian.com> (accessed 17.01.2024).

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 10.01.2024.
Принята к публикации 15.02. 2024.

Об авторах

Рыжкова Елена Владимировна — кандидат филологических наук, доцент, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0002-4689-1537; yelena.ryzhkova@novsu.ru

Кокконен Елена Иогановна — кандидат психологических наук, доцент, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0003-2860-1791; keli77@mail.ru

Ryzhkova E. V., Kokkonen E. I.

LINGUISTIC REPRESENTATION OF «ECO-ANXIETY» IN BRITISH MEDIA DISCOURSE (A CASE-STUDY OF THE GUARDIAN)

Abstract. The article provides the results of an analysis of the discursive realization of the linguocultural concept of «eco-anxiety». The analysis was carried out based on publications in the Guardian for the years 2015–2023. Within the framework of the thematic discourse of eco-anxiety, actional subdiscourses are considered: informative, regulatory, subjective-expressive and prognostic. Based on the linguistic means and speech strategies presented in the aforementioned subdiscourses, we construct the conceptual, associative, figurative and value components of the concept of «eco-anxiety». Eco-anxiety is viewed as associated with the affects of grief, anger, loneliness, guilt and helplessness. The findings show that the structure of the concept includes the components “source of anxiety” and «object of accusation». The article also considers the apocalyptic modality of the eco-anxiety discourse. Discourse participants in their speech acts construct a cultural trauma and either take responsibility for existing problems and their solution or deny them. The results of discourse and content analysis showed that the significant penetration of eco-anxiety into British linguistic culture not only determines the emotional background of subjects, but also regulates and predicts their actions.

Keywords: eco-anxiety, linguocultural concept, action discourse, media discourse, British media.

For citation: Ryzhkova E. V., Kokkonen E. I. (2024). Linguistic representation of «eco-anxiety» in British media discourse (a case-study of the Guardian). *Memoirs of NovSU*, 1(52), 174-182. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.1(52).174-182